

Анна Малицкая,

студентка 1 курса украинского отделения филфака ОНУ

Плацкартное

Плацкартный шум – это древний танец, где вечность пляшет у края рельс. Неважно, кем ты в том мире станешь, неважно, что назовешь ты «Здесь»: Варшаву, Хельсинки, Лондон, Бруклин – все встречи будут в короткий срок...

Клубок дороги ложится в руки и тянет нити в сплетенье строк, в туман рассветов, в раскаты грома – с тропинки больше нельзя свернуть бродягам, ищущим поезд к Дому и выбиравшим длиннейший путь, чтоб насладиться протяжным шумом, впитать глазами далекий свет.

Теперь уж поздно о рае думать и, сожалея, что там нас нет, просить маршрут изменить до неба, судьбе закладывать жизнь на спор...

Дорога в рай – не такая небывь, как то, что ждет нас за склоном гор.

И разве стоит, отдавшись свету, оставить рельсы истлеть в пыли, когда твой Дом ожидает где-то на грани вечно родной Земли?..

Горячий чай, пирожки со станций, дожди и снег за одним окном, дороги плачутся вслед: «Останься...» – да только скажешь ли им о том, что путь, которым ты долго мчишься, – стремление к Дому длиною в жизнь?

Ведь ты, мой странник, совсем мальчишка, но так за поездом тем бежишь, как будто выведал тайны судеб и заглянул в черноту их ртов.

Ты не узнаешь, что дальше будет, но все ж прошепчешь себе: «Готов!».

Билет в кармане, поклон порогу, калитка ласково в путь толкнет, клубок отмерит клочок дороги словами первых стихов в блокнот, плащом укроет чернильный вечер, от звезд и странствий уже седой.

Вокзал, платформа, рюкзак на плечи – здесь оставаться легко собой, бродить по свету и быть свободным, пока дороги к рассвету есть; и танцевать под небесным сводом старинный танец у края рельс...

До отправления – еще минута, и вечность – чтобы судьбу творить.
Клубок дорог беспощадно спутан, но что с того, если все – твой?

В «Эолиане»

И гул затих. Ты вышел на подмости,*
Почти что нищий, слишком смел и юн...
Казалось, мир стал просто отголоском,
Далеким эхом грустных слов и струн,
А голос твой, волнующий и нежный,
Из чаши неба вылился за грань.
Ты был, как море в звездном безбережье,
Ты был самою песней. Та игра
Рождала в людях золото рассветов,
Срывала слезы с их застывших глаз.
Так облетают в осень листья с ветви,
И пляшет ветер свой последний вальс,
Так летний дождь целует небосклоны,
Так зелень трав ложится в даль пути...
О, жизни свет! Его ты пел с Алойной,
Ответившей из тьмы на твой мотив!
И пусть не все бывает в нашей воле –
На взлете в вечность рвется вдруг струна.
Но пальцы, пряча след забытой боли,
Ласкают шесть. Мелодия верна,
Как будто сердце в ней горит, сплетенной
Из трехголосья звуков, слов и чар!
О, ты ведь знал, певец: острее терна,
Больней ударов молний и меча

* Видоизмененная строчка знаменитого стихотворения Б. Пастернака «Гамлет».

Был твой напев любви, войны, разлуки,
Связавший песни каждой из дорог...
И всякий помнил: в кровь изранив руки,
В «Эолиане» пел в тот вечер бог.

Я зажгу маяки...

На безбрежья морей, где сберечь в своей памяти надо
Верный курс к континенту и каждый с него поворот,
Я зажгу маяки. В них, как в искры небесной плеяды,
Верит каждый скиталец с дорог океанских широт.

С незапамятных дней корабли все блуждают по свету,
Ищут странствия, страны и молят в надежде богов,
Что с безмолвных высот маяки непременно ответят,
Если шторм их настигнет вдали от родных берегов.

Одиноким гудкам, заблудившимся здесь, в океане,
Поборов непогоды в беззвездной опасной ночи,
Я зажгу маяки. И проводят суда над туманом
Из сорвавшейся бури на свет путевые лучи.

И дойдут корабли до чужих, неизведанных далей,
А когда они вновь пожелают вернуться назад,
Я зажгу маяки. Там, где странников в вечности ждали,
В горизонт устремляя волнительно-радостный взгляд.

И причал расцветет в серебре накативших прибоев,
И с высоких утесов другим кораблям подмигнут
Огоньки маяков, что на пустоши вечного моря
Освещают матросам в родимую гавань маршрут.

